

ДОРОГОЙ МОЙ СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Когда я был молод и не боялся рискованных приключений, то нередко совершал журналистские командировки в так называемые «горячие точки». Неоднократно был на войне во Вьетнаме, Лаосе, Камбодже, потом побывал не раз на войне в Афганистане, отправился на гражданскую войну в Никарагуа, попал в американскую Южную Дакоту на вооруженное восстание туземных индейцев сиу в 1973 году.

В моей московской квартире сохранился после поездки в Лаос в 1969 году неказистый сувенир – корявый, продолговатый, зазубренный кусок железа. Это осколок американской авиабомбы. Уродливая железяка едва не убила меня в партизанском районе восточного Лаоса, где главенствовала партия местных коммунистов Патет Лао.

В партизанский район Лаоса я выехал на советском вездеходе УАЗике из северовьетнамского Ханоя. Моими спутниками были два лаосца – автоводитель и переводчик с лаосского языка на русский. В пути мы пробыли двое суток и передвигались на юг от Ханоя только по ночам.

В дневное время всю территорию Демократической Республики Вьетнам (ДРВ) бомбили беспощадно американские самолеты. Они прилетали с их авиабаз в Тайланде и с палуб авианосцев США в прилегающем к ДРВ морском Тонкинском заливе.

Все северовьетнамские города, через которые мы проезжали, были превращены бомбежками в руины. Речные мосты были тоже уничтожены, и мы форсировали реки по временным понтонам армии ДРВ. А дороги были испещрены глубокими воронками от взрывов бомб. И наш вездеход медленно лавировал между воронками с выключенными фарами, чтобы не стать мишенью воздушных стервятников.

Американские летчики гонялись над дорогами Северного Вьетнама даже за одиночными автомобилями и расстреливали их из бортовых пушек и пулеметов. Мы ползли ночами по разбитым дорогам с тускло светившими малыми подфарниками УАЗика с открытым верхом.

Ранее в Ханое я добился интервью у президента ДРВ – прославленного Хо Ши Мина. Он принял меня в его столичной резиденции – во дворце бывшего французского генерал-губернатора Индокитая. Престарелый президент курил едкие вьетнамские сигареты и

отхлебывал из стакана отечественное пиво. Около часа он говорил об актуальных военно-политических проблемах его страны и затем согласился ответить на вопросы личного характера.

Хо Ши Мин признался: в молодости он стал коммунистом и примкнул к московскому Коминтерну по той причине, что советское руководство поддержало его стремление выгнать из Вьетнама французских колонизаторов.

Намерение Хо Ши Мина освободить Вьетнам от любых иноземных властей вынудило его также заручиться помощью маоистского Китая. Он даже вступил в переговоры с посетившими его американскими дипломатами и военными, рассчитывая на альянс с США для избавления от французов. Но далее вашингтонское правительство отказалось от взаимодействия с Хо Ши Мином, сочтя его слишком опасным коммунистом. И тогда он полностью сориентировался на Советский Союз.

Хо Ши Мин дал мне понять, что он, коммунист, был прежде всего национальным патриотом.

Такая же национал-патриотическая подоплека коммунизма была у лаосских партизан партии Патет Лао.

На исходе мая 1969 года наш джип-УАЗик въехал наконец в штабное место Патет Лао – зеленотравную тропическую Долину кувшинов. Ее название происходит от расположенных в той долине десятков трехметровых каменных кувшинов, имевших в древности неизвестное сейчас культовое предназначение. Загадочные кувшины были сооружены примерно две тысячи лет назад.

Во время моего пребывания в Долине кувшинов она была вся изрыта ямами от американских авиафугасов. Многие старинные кувшины были разбиты вдребезги. Самолеты США с ревом их моторов и турбин барражировали над долиной и осыпали ее взрывными фугасами и шариковыми бомбами для шрапнельного поражения лаосцев. Каждый день налет следовал за налетом.

Остервенелость американских бомбежек была вызвана тем, что через восточный Лаос и соседнюю Камбоджу тайно маршировали к Южному Вьетнаму сквозь джунгли и горные ущелья тысячи северовьетнамских солдат. Так они просачивались в американизированный Южный Вьетнам на подмогу своим тамошним сторонникам для стычек с войсками янки. Этот военный маршрут американцы прозвали Тропой Хо Ши Мина. И изничтожали северовьетнамцев бомбами, напалмом, химическими веществами.

В Долине кувшинов мне не довелось повидать вьетнамцев. Зато я видел, как во время авианалетов огрызались огнем наземные зенитные батареи. На двух из них я побывал. Зенитки оказались советского и китайского производства. А зенитчики – лаосцы. Они часто гибли. Но иногда сбивали американский бомбовик. И тогда из него катапультировались с парашютами один или пара летчиков. Для их спасения от плена прилетали вертолеты со спецгруппами десантников. И в окрестностях долины трещала стрельба. Лаосцы обладали автоматами Калашникова.

Долину кувшинов окружали скалистые холмы. В них зияли темными дырами входы в скальные пещеры. Их углубляли партизаны Патет Лао ручными кирками и динамитом. Во время бомбежек пещеры были всеобщим убежищем. В них же и жили. В одной из пещер прятался и я.

Знойным майским днем в минуты начала очередной бомбежки я вбежал во вход своей пещеры. А от нее в сорока метрах грохнулся смертоносный фугас. За секунду до взрыва я успел упасть в начале пещеры за искусственный полутораметровый защитный барьер из цемента. Комья земли и осколки бомбы пронеслись надо мною, ударились в боковую стенку пещеры, и некоторые из них отскочили рикошетом в мою сторону.

Однако я, везучик, остался невредим. Меня только немного засыпало землей и сорвало с лица очки воздушной волной от взрыва. Очки, к счастью, оказались целы. Безнадежно поврежден был лишь мой китайский термос с питьевой водой. Термос, прикрепленный к моему поясному ремню, был проткнут вонзенным в него осколком бомбы. Осколок был на ощупь настолько раскаленным, что я вытащил его из термоса, обернув полотенцем. Осколок чуть не протаранил меня.

После этого инцидента я вспомнил мой мирный московский дом и жену Валентину. Разлука с ней показалась несуразной и неразумной. Возможность подохнуть ни за что в чужом краю почудилась мне дурацкой глупостью. Это был, конечно, краткий момент малодушия. Но что было, то было.

За неделю моего житья в Долине кувшинов я побывал в пещерном госпитале для раненых партизан, в пещерном училище для молодежи, в пещерной типографии и в пещерной радиостанции, в персональных пещерах двух вожаков Патет Лао. Везде велись разговоры, естественно, о войне и политике. Все это пригодилось мне для корреспонденции из Лаоса.

Помимо войны и политики меня интересовала также еще одна лаосская экзотическая тематика. Ее нащупал и мой ханойский приятель – корреспондент газеты «Правда» Иван Щедров. Он прежде, чем я, был в партизанском Лаосе и прошел с вьетнамцами по боевой Тропе Хо Ши Мина. Щедров ознакомил меня в Ханое с его репортажной книжкой «На партизанских тропах Лаоса», в которой я вычитал такую информацию:

«Во время перехода я услышал от воинов-носильщиков рассказ о «лесных людях» – тропических двойниках нашумевшего в свое время «снежного человека». Лесные люди обитают, судя по рассказам очевидцев, на склонах Длинного (Аннамитского) хребта в Среднем и Нижнем Лаосе.

Что же известно об этих лесных людях – тхак тхе? Руки у них длиннее, чем у человека. Тело густо покрыто бурой шерстью. На лицах, за исключением бороды, растительности нет. Питаются добытыми клубнями и плодами. Живут по одной – две семьи. Не знают, что такое огонь. Ходят несколько согнувшись. Отлично лазают по деревьям. Между собой «разговаривают» какими-то гортанными криками.

Интересно, что рассказы о лесных людях мне пришлось слышать и по ту сторону Длинного хребта от южновьетнамских партизан. Записал в Южном Вьетнаме такие же истории и мой друг, австралийский журналист Уилфред Бэрчетт».

С Бэрчеттом я виделся в Москве только один раз. Он был коммунистом. Тем не менее его увлекательные репортажи печатали в Англии газеты «Таймс» и «Дэйли экспресс». В США он тоже публиковался в журналах левого толка. Но более всего он был популярен в советской прессе. В 1965 году я приобрел его изданную на русском языке книгу «Война в джунглях Южного Вьетнама». В той книге с подзаголовком «Репортаж» Бэрчетт цитирует своего проводника по джунглям и горам Тропы Хо Ши Мина вьетнамца Чан Динь Миня:

– В 1949 году, – начал свой рассказ Чан Динь Минь, – мне поручили обследовать пограничный район Дак-Лак. Я работал и в уезде Дак-Мил, где находятся непреодолимые на первый взгляд горы. Я включил в мою небольшую экспедицию несколько человек из племени мнонг. И мы отправились в горы. Они поросли густым девственным лесом. В горах было полным-полно диких зверей – тигров, пантер, волков, оленей разных видов.

– Мы шли по горной гряде несколько дней, и, когда достигли ее самых диких и каменистых мест, я, к удивлению своему, обнаружил

на песчаной почве между камнями отпечатки человеческих ног! Целые недели не встречалось и признаков человека. А тут вокруг оказалось множество следов, что привело меня в полное замешательство. В течение нескольких дней мы шли по самым свежим из найденных нами следов и однажды утром услышали звуки, похожие на птичье щебетание. Затем в находившихся поблизости пальмовых зарослях раздался шум: кто-то бегом выбирался из чащи.

– Мы снова пошли по следам, и они привели нас к пещере, где мы нашли сильно напуганное существо мужского пола, совершенно нагое. Тело его покрывали густые черные волосы. Длинные волосы падали с головы на плечи.

– Существо забилося в угол пещеры. Хотя мы всеми способами старались показать ему, что не имеем дурных намерений, оно было явно охвачено ужасом. Мои спутники обратились к нему на своем языке, а я перепробовал все известные мне наречия, но никакого ответа, за исключением нескольких звуков, выражавших испуг и похожих на птичий щебет, который мы слышали раньше, не получили.

– Мы решили привезти свою находку на нашу базу. Существо смотрело, как мы ели рис, но само к нему не прикасалось. Мои спутники сказали, что слышали, будто эти «существа» питаются листьями пальм, среди которых мы обнаружили нашего пленника. Тогда мы срезали несколько пальмовых листьев, и наш пленник съел их сырыми.

– Он очень боялся нас и при каждом звуке начинал дрожать. На привалах приходилось его связывать, а во время переходов привязывать веревкой к одному из нас. Мы доставили его целым на нашу базу, но там никто не мог понять ни звука из его птичьего щебета. В местности, где находилась база, таких пальм, которыми эти существа питались, не было. Поэтому мы решили отвезти нашего пленника обратно. Но, к нашему глубокому сожалению, он умер. И мы похоронили его на базе.

Этот сокращенный мною отрывок из книги-репортажа Бэрчетта – самые детальные показания очевидца «лесного» или «дикого человека» в Индокитае, «тхак тхе» по-лаосски.

Еще во вьетнамском пути из Ханоя в Лаос я сугубо неофициально расспрашивал о тхак тхе сопровождавшего меня лаосского переводчика по имени Фели. Он сказал:

– Я родом из Нижнего Лаоса и там слышал о существовании тхак тхе. Они очень сильные и дикие. Это полулюди. Речи не имеют. Толь-

ко издают звуки. Вообще-то их очень мало. Они обитают на юге нашей страны близ границы с Камбоджей.

Потом в Долине кувшинов, в пещере председателя комитета народного образования Патет Лао, пожилой Чоинламани Оутама тоже кратко ответил на мой вопрос о тхак тхе:

– Тхак тхе небольшого роста. Похожи на обезьян. Тело покрыто шерстью. Ходят на ногах. Речи у них нет. Общаются звуками. Примерное место их обитания – район Хунгса на юге Лаоса. Это поблизости от городка Саравау, на лесном плато Боловен.

В Долине кувшинов опекавший меня член партийного руководства Патет Лао и директор партизанского информационного агентства Сисане Сисана как-то вечером за нашим совместным ужином прервал свои политические речи и удовлетворил мое любопытство насчет тхак тхе:

– Да, тхак тхе существуют. На нашем юге. В местах южнее Саравана. Это в районе 16-ой параллели. Тело тхак тхе покрыто шерстью. Речью не владеют. Вместо нее – сигнальные звуки. Руки от кисти до локтя так тверды, что ими можно сбивать крупные растения. Рост небольшой. Мне рассказывал однажды заместитель председателя нашего Центрального Комитета товарищ Ситон Коммадан, что он, будучи родом с юга, увидел в юности у водоема, как двое детенышей тхак тхе забавлялись с буйволом. После чего они скрылись в лесных зарослях. У товарища Коммадана было ружье, но он не выстрелил: очень уж тхак тхе напоминали людей. Впрочем, не все у нас так гуманно. На юге говорят, что мясо тхак тхе весьма вкусное. На них иногда охотятся.

Подобные сведения о тхак тхе сообщили мне также еще трое авторитетных деятелей Патет Лао. И указали то же самое место обитания тхак тхе – джунгли на южном плато Боловен. Но эта территория была для меня недостижимой.

Для ловли тхак тхе потребовались бы большие деньги на организацию экспедиции. Необходимо было нанять лаосских проводников, следопытов, носильщиков грузов и отряд охранников числом не менее армейской роты. Да к тому же мое московское редакционное начальство наверняка не одобрило бы в принципе авантюрную затею. Не за тем меня послали на войну в Лаосе.

И я вернулся в Ханой, а оттуда улетел в Москву.

В американской зоне Лаоса

Через несколько месяцев меня снова командировали на войну в Лаосе. Но в ином направлении. Я долетел с авиaperесадками до лаосской столицы Вьентьяна. Там безраздельно господствовали американцы. Их скопилось во Вьентьяне около семи тысяч. Это были армейские офицеры, спецназовцы «зеленые береты», сотрудники ЦРУ, летчики, многочисленные военные атташе, административные эксперты.

Они содержали во Вьентьяне на тысячи долларов марионеточное лаосское правительство и его слабосильное воинство. Посол США во Вьентьяне Макмарти Годли самолично регулировал бомбежки партизанской Долины кувшинов и других форпостов Патет Лао.

Мне поставили задачу подробно описать факты военного вмешательства Соединенных Штатов во внутренние конфликты лаосцев.

Приземлившись во Вьентьяне, я в тот же день устроился на постой в городской гостинице «Констеласьон». В этом отеле обосновались многие иностранные журналисты и выдававшие себя за газетчиков приезжие разведчики из разных закордонных спецслужб.

Тенистый бар отеля был ярмаркой обмена слухами и фронтовой информацией. Любого новичка бара знакомили со старожилами и встречали стандартным вопросом:

– Any good story?

Это означало по-русски примерно вот что:

– Имеешь хорошенькую новость?

Помню завсегдатая бара – рыжего, румяного от жары, моложавого американца Тимо́ти Оллмэна, корреспондента англоязычной газеты «Бангкок пост». Помню многоопытную мисс Харриган из американского журнала «Нью Рипаблик». Помню курчавого парня из английской «Санди экспресс». Помнится и прочая братия «Констеласьон».

Отелем владел и был в нем главным менеджером густоволосый брюнет мсье Морис, помесь француза с китайкой. Мсье Морис был также очень удачливым и богатым финансистом. Его даже приглашали, как мне говорили, на некоторые совещания министров лаосского правительства.

Хозяин отеля говорил на нескольких языках и состоял, по-моему, осведомителем полудесятка разведслужб. Мсье Морис и его гостиница запечатлены в одном из шпионских романов маститого английского сочинителя детективов-бестселлеров Джона Лекарре, ветерана британской контрразведки.

С мсье Морисом я сразу решил установить доверительные отношения и посему сходу вручил ему типично русский сувенир – бутылку московской водки. Мой подарок мсье Морис воспринял благожелательно и сказал:

– Я дам вам недорогую приличную комнату и рекомендую взять одну из наших отельных девушек.

– Спасибо, – ответил я, – но девушки мне не надо.

– Вы зря тревожитесь, – возразил он. – Наши девушки не имеют венерических заболеваний. Девушки проходят регулярно медицинские обследования.

– Все равно обойдусь без девушки, – упорствовал я.

– Вы можете пожалеть о вашем отказе, – продолжал мсье Морис. – Грязные уличные проститутки прознают, что вы не имеете постоянной девушки, и примутся вас осаждать. Они очень заразные.

Тем не менее я стоял на своем, и мсье Морис прекратил наши пререкания. Впоследствии я понял, что он по-настоящему заботился обо мне.

Остаток дня я провел в посольстве СССР во Вьентьяне. Его дипломаты приветливо встретили визитера из Москвы и охотно поделились со мной своими познаниями о различных интригах американцев в лаосской столице. Ко мне проявили столь теплое гостеприимство, что дали мне безвозмездно пользоваться их служебным зеленым вездеходом без крыши или тента. Он походил на американский военный джип, что мне позже оказалось кстати.

Поздним вечером я возвратился к гостинице. Рядом с ней на пустыре запарковал джип и зашагал к входу в отель. И тут внезапно на меня набросились четыре уличные проститутки. Вид у них был пугающий – тощие, наверное, от голода, темнокожие, одетые в какое-то нищенское тряпье.

Они вцепились в меня со всех сторон и принялись ощупывать своими черными клешнями мои карманы. Секс явно не интересовал их. Им нужны были деньги.

Я схватился одной рукой за мой брючный карман с кошельком, а второй рукой пытался сбросить с себя облепивших меня тварей. Они подняли громкий визг и продолжали висеть на мне как восьмипалый вонючий спрут. Мы завертелись на улице волчком, но я все же продвинулся к парадной двери отеля.

И там я с ужасом увидел, что дверь отеля закрыта и загорожена ночной решеткой жестяных жалюзи. Все же на мое счастье два сто-

рожа гостиницы услышали истошные вопли перед парадной дверью, открыли ее, распахнули металлические жалюзи и опознали во мне белокожего постояльца.

На пороге входа в отель уличные проститутки отцепились от меня, и я ввалился в «Констеласьон» – всклокоченный и вспотевший, но не ограбленный. Так я осознал, что мсье Морис был прав, когда навязывал мне временную подругу.

А уличные проститутки тоже кое-что усвоили относительно меня и больше не приставали.

Тем временем из всех американских объектов во Вьентьяне меня больше всего интересовала засекреченная авиакомпания «Эйр Америка». Она была создана Центральным разведуправлением США и руководилась только ЦРУ и главным штабом в Вашингтоне.

Десятки самолетов «Эйр Америки» базировались во Вьентьяне в пригородном аэропорту Ваттай. Там за кирпичной оградой был специальный аэродром «Эйр Америки». Ограда имела ворота со шлагбаумом и охрану ворот из наемных лаосцев в синей униформе. Я подъехал туда на своем зеленом джипе и нагло подкатил вплотную к шлагбауму. В тот же миг стражники-лаосцы подняли шлагбаум и даже отсалютовали мне поднятием правых рук к виску. Меня приняли, как я и рассчитывал, за белокожего американского пилота.

На аэродроме я увидел взлетно-посадочную полосу и россыпь одноэтажных строений без окон. В тех одноэтажках, как я ранее проведаль, были склады стрелкового оружия, боеприпасов и мешки с рисом. На летном поле стояли десятки двухмоторных самолетов «Карибу» с вздернутыми вверх хвостами для посадок и взлетов на коротких сельских площадках. «Карибу» были заgrimированы зелеными и желтыми пятнами под цвет джунглей. Я рассмотрел также несколько вертолетов и армейских моторных С-46, С-47, С-130. Все двинмашины не имели опознавательных знаков.

В расположении «Эйр Америки» я обнаружил кафетерий для летчиков и вошел внутрь. Сел за пустой столик, заказал бутылочку кока-колы и бифштекс. Рядом за другими столиками группировались белокожие пилоты с загорелыми, обветренными физиономиями. На летчиках были светлые рубашки с короткими рукавами и голубоватые брюки. Никто не носил военную форму. Некоторые имели на головах обычные бейсболки или ковбойские шляпы.

Я дважды посещал аэродром «Эйр Америки» и тамошний кафетерий. Наблюдал за взлетами и посадками самолетов ЦРУ. Прислушивался к разговорам пилотов в кафетерии. Но больше всего сведений об «Эйр Америке» почерпнул от западных коллег-журналистов в баре моего отеля и от дипломатов нашего посольства.

Летные экипажи «Эйр Америки» были набраны спецслужбами ЦРУ в качестве штатских наемников из пилотов разных стран – американцев, англичан, французов, новозеландцев, австралийцев и так далее. Воздушным наемникам было предписано доставлять, невзирая на наземный огонь по ним бойцов Патет Лао, американское оружие, боеприпасы, мины, мешки риса, одежду, одеяла и медикаменты горным племенам лаосцев мео. Этим мео ЦРУ науськало на войну против партизан Патет Лао.

С давних времен горцы мео враждовали с равнинными лаосцами. Мео отличались от большинства лаосцев тем, что не были буддистами. Мео поклонялись их языческим богам-духам и подчинялись впечатительным племенным шаманам. В годы восстания народностей Индокитая против французских колонизаторов мео служили французам. А тех сменило ЦРУ. Оно сформировало из мео десяти тысячное войско во главе с племенным вождем генералом Ванг Пао.

Генерал мео Ванг Пао был храбрым воякой и одновременно вороватым тираном. Он присваивал часть американских денежных выплат рядовым воинам мео. А когда кто-либо из них роптал по этому поводу либо осмеливался еще как-то перечить Ванг Пао, то он выхватывал пистолет и сразу убивал критикана. Все это было известно ЦРУ, но оно ни разу не приструнило своего военного пособника.

Кроме того Ванг Пао и его офицеры грузили в самолеты обратных рейсов «Эйр Америки» тонны опиума. Это зелье выращивали мео на горных террасах с незапамятных пор. Во Вьетнаме опиум не был под государственным запретом. Его перерабатывали в героин и развозили контрабандой самолетами в тайландский Бангкок, южно-вьетнамский Сайгон, англоколониальный Гонконг. А далее в Европу и США. Такое происходило с явного ведома ЦРУ.

Во Вьетнаме летчиков ЦРУ связывал контрактный обет молчания. Наемники получали по пять тысяч долларов в месяц. Больше, чем пилоты ВВС Соединенных Штатов. Летуны ЦРУ любили носить увесистую нагрудную цепь из золота и большие золотые браслеты. Они жили в свое удовольствие, веселились в ночных притонах со

стриптизом, развлекались с молоденькими лаосками по цене в десять долларов за проститутку.

ЦРУ категорически запретило пилотам «Эйр Америки» якшаться с журналистами. Поэтому я замыслил трюк. Будучи на летном поле «Эйр Америки», заметил там барак с окнами. Это оказалось служебным помещением авиакомпании. На внутренних стенах были расписания вылетов самолетов, списки экипажей, сводки о погоде. За деревянной стойкой сидел белокожий мужчина. Я его спросил:

– Могу ли я купить билет на самолет «Эйр Америки»?

– Какой билет? – удивился служащий. – Мы такими делами не занимаемся. Если у вас есть право на полет с нами, обратитесь в авиапассажирское отделение Агентства международного развития США во Вьентьяне.

Он, не зная, кто я такой, проводил меня изумленным взглядом.

Пришлось ехать в центр Вьентьяна к высокой Арке Монуента мертвых, где рядом находилось двухэтажное здание Агентства международного развития США (USAID). Сие госучреждение трудилось в Лаосе на пару с ЦРУ, нагружая самолеты «Эйр Америки» продовольствием и бытовыми товарами для армии мео генерала Ванг Пао.

В офисе USAID меня направили в транспортный отдел. Там множество клерков шелестели бумагами на столах, сновали с какими-то документами, стучали счетными машинками. В застекленном отсеке важно восседал за столом пожилой американец с каменным лицом. Это был начальник отдела мистер Отис Маккол. Ему я изложил свой предыдущий разговор с администратором аэродрома «Эйр Америка».

– Так что вы хотите купить? – переспросил м-р Маккол, – цыпленка?

Американец вскинул брови, перепутав английское слово «тикет» с «чикен».

– Не цыпленка от вас хочу, а билет! – растолковал я.

– Да разве мы торгуем билетами на «Эйр Америку»? – еще более опешил Маккол.

– Кто же торгует?

– А вы кто такой?

– Журналист из советского журнала «Нью таймс».

Тут Маккол вовсе застыл от неожиданности. Потом поманил пальцем какого-то чиновника в очках, пошептался с ним и вымолвил:

– Идите со своим вопросом к мистеру Остатаг, заместителю директора.

Однако Остатага не оказалось в его кабинете. Там вместо него была рыжеватая секретарша, пожелтевшая от лаосского малярийного климата. Она сказала:

– Мы никогда не торговали и не продаем билеты на «Эйр Америка». Делается все иначе. Да вас и не подпустят к авиакомпании. Впрочем, сходите в информационную службу США, к мистеру Эндрю Газовски, представителю для работы с корреспондентами. Быть может, он скажет, что надо предпринять...

И я поехал в службу USIS, обосновавшуюся в двухэтажном белом доме возле кинотеатра «Лан Санг». Эндрю Гузовски, молодцеватый бородатый блондин с выправкой строевого офицера, принял меня на втором этаже в кабинете, где полусонно скучал на диване еще один посетитель – знакомый мне по «Констеласьон» корреспондент газеты «Вашингтон стар».

Гузовски на мою просьбу об авиабилете отчеканил:

– «Эйр Америка» берет на борт только грузы и представителей здешних американских учреждений. Пассажиры – только американские должностные лица! Других не берем. Билетов вообще нет. Их нет, понимаете?

Гузовски криво усмехнулся. Насмешливо ухмыльнулся и газетчик «Вашингтон стар». Я напоследок сказал:

– Значит, нельзя?

– Нельзя.

– Ну, тогда прощайте.

Не забыл я во Вьентьяне и о лаосском тхак тхе. По этому вопросу первым моим собеседником был старый профессор Пьер Ломчин Нгин, лингвист и краевед. Он жил в бунгало, сбоку городской площади с фонтаном посередине. Мы разговаривали в полутемной комнате, спасавшей от жары. Нас окружали старомодные кресла, этажерки с пыльными книгами и папками, на стенах – картины китайских пейзажей и обрамленные научные дипломы профессора. Нгин говорил затрудненно:

– Я много слышал о тхак тхе на юге Лаоса. Но сам их не видел. О них писали уехавшие отсюда из-за войны французские ученые. Я советую вам подробнее поговорить о тхак тхе с моим давним другом и почтенным ученым Кхамфао Фонека.

Этого лаосца я нашел в трехэтажном доме министерства образования. Начальник отдела начального образования Кхамфао Фонека, мужчина средних лет, был облачен в чиновничий мундир с погонами. Он сказал, что по профессии – историк, учился во Франции, побывал однажды в Москве и сохранил о ней хорошие воспоминания. Насчет тхак тхе Фонека высказался так:

– Да, я слышал немало о тхак тхе, когда объезжал деревни в округе города Сараван, к югу от лесистого плато Боловен. Рассказывали о тхак тхе не только крестьяне. Мне говорил о тхак тхе и армейский полковник по фамилии Самлан. На водопое местной речки полковник наткнулся на целый десяток тхак тхе. Они были покрыты густой шерстью. Перекликались пронзительными криками. Полковнику захотелось захватить хоть одного из них, застрелить. Но он не смог убить тхак тхе, похожего уж очень на человека. И вскоре эти существа убежали на своих ногах.

Заключительные и плохие новости о тхак тхе я получил от дипломатического представителя Патет Лао во Вьентьяне полковника Сота Петраси. Он жил и работал в небольшом доме, который плотно окольцевали патрули солдат лаосской проамериканской армии. Вдобавок дом Петраси оцепили высоким железным забором. Вход во внутрь был строго запрещен простым лаосцам. Меня пропустили через калитку лишь потому, что я был похож на белокожего янки и размахивал перед неграмотными солдатами своим журналистским удостоверением.

Полковник Петраси угостил меня душистым чаем и завел, понятно, разговор про бесконечную войну. На мой вопрос о тхак тхе он ответил:

– Я давно уже слышался об этих человекоподобных существах на юге Лаоса. Их случайно обнаруживают в джунглях вокруг города Сараван на плато Боловен. Сейчас этот дикий край – эпицентр кровопролитных боев между нашими патриотами Патет Лао и наемниками американцев. Если вы сунетесь теперь туда, то вас вне сомнения убьют.

Гималайский йети

Мои расспросы в Лаосе про тхак тхе были побочным занятием в деле поиска снежного человека с конца 50-х годов. Тогда я примкнул к небольшой группе добровольных энтузиастов розыска мифическо-

го «сноумэна» на безлюдных высокогорьях у южных границ Советского Союза.

Поначалу снежный человек стал для меня как бы кислородной отдушиной в моей работе во внешнеполитическом журнале «Новое время». Там я прослужил 17 лет. И все те годы любая сколь-нибудь значительная статья журнала посылалась на тщательную инспекцию чинушами Министерства иностранных дел СССР или в отдел пропаганды ЦК КПСС.

Вдобавок, в здании нашего еженедельника сидел в отдельном кабинете уполномоченный цензор Главлита. Придирчивый цензор въедливо проверял каждый выпуск «Нового времени» от первого слова до последнего. Немудрено, что у многих опытных сотрудников журнала постепенно нарождался в мозгах свой «собственный цензор». В итоге содержание «Нового времени» чаще всего оказывалось официозной скучнятиной.

А вот группа поисковиков снежного человека никому не подчинялась официально. Она не была антисоветской. И потому ее участников не трогала контрразведка КГБ. Во главе группы стояли профессор Московского университета Борис Федорович Поршнева и этнограф Жанна Иосифовна Кофман.

Поршнева был главным авторитетом среди искателей снежного человека. Профессор, будучи историком-францеведом, издал о снежном человеке не менее полутора десятка научных книг, трактатов, статей. Поршнева называл снежного человека «реликтовым гоминидом» — человекообразным существом, отставшим в человеческой эволюции и уцелевшим от истребления в труднодоступных высокогорных лугах и кустарниках.

Теория Поршнева казалась мне правдоподобной. Ведь в островной Австралии выжили ее темнокожие аборигены, отставшие в своем развитии от современных людей на тысячи лет. В непролазных дебрях верховьев реки Амазонки существует в лесной изоляции малочисленное племя корубо — кочевников каменного века, не носящих никакой одежды.

В тропических джунглях центральной Африки обитают дикие пигмеи на стадии первобытно-общинного строя, без знания способов добычи огня. В островной Новой Гвинее водится в зарослях племя каменного века — короваи, которые ютятся на деревьях, на 30-метровой высоте, в плетеных гнездах-хижинах. Есть еще несколько подоб-

ных племен – тупиковых ветвей возникновения человека.

Перечисленные дикари всячески прячутся от иных двуногих существ, так как на протяжении долгих веков полулюди и уже люди безжалостно охотились друг на друга и пожирали убитых. Это неопровержимо доказано наукой. Наши европейские предшественники – неандертальцы и кроманьонцы – были каннибалами. Их лакомой пищей были иноплеменники.

Вот почему «реликтовый гоминоид» профессора Поршнева прятался столь высоко в горах, у кромки вершинных снегов, где находили иногда альпинисты отпечатки его массивных пятипалых стоп, сильно превышавшие человеческие следы.

Теоретические публикации Поршнева приобрели известность в научных кругах, но от него потребовали материальных доказательств. Однако организовать дорогостоящую экспедицию в зарубежные Гималаи Поршневу не смог: не было у него ни крупных денег, ни помощи от хозяев Академии наук. Сумел только он в 1964 году поехать самостоятельно с кучкой помощников в кавказскую Абхазию, на раскопки могилы самки якобы снежного человека в ауле Тхина.

Жители Тхины рассказывали, что к ним привезли в 1880 году из другой местности на южном склоне Кавказского хребта дикое существо женского пола с темно-серой кожей, покрытой по всему телу черно-рыжей шерстью. Диковинку доставили в сетях, которые затем сняли, а вместо них посадили волосатую самку на цепь в сарае из мощных стволов деревьев. Пленница не сопротивлялась. Говорить она не могла, лишь мычала, свистела или рычала. Ела коренья и траву. Прозвали ее Заной.

Зана не проявляла какой-либо агрессивности. С нее сняли цепь и позволили выйти из сарая. Она ушла в лес, побродила там неделю, а потом вернулась в аул. Зану пытались облачить в одежду, но ее она сбросила и больше ничего подобного не носила. Спала круглогодично в яме на соломе.

Со временем Зана привыкла к людям и даже научилась помогать им по хозяйству. Носила легко на речную мельницу тяжеленные мешки с зерном, вертела ручные жернова, приносила воду из ручья в большом кувшине.

Зана умерла в 1889 году и была закопана в безымянной могиле на кладбище аула. Профессор Поршневу и его единомышленники, приехав в аул, задумали раскопать могилу Заны и передать ее кости

на исследование антропологам: принадлежат ли останки «реликто-вому гоминоиду»?

Было вскрыто одиннадцать могил. Ни одна из них не содержала останков волосатой Заны. Гробокопательство вызвало недовольство в ауле. Об этом прослышали преследовавшие Поршнева газетчики. Разразился шумный скандал. Невезучему профессору незаслуженно приклеили саркастическую репутацию эксцентричного чудака...

Год спустя я попал в Индию и Непал с туристической группой московского Союза обществ дружбы с народами зарубежных стран. Привлек меня к этому турне не чистый туризм, а возможность посещения Непала с его неуловимым снежным человеком, по-непальски – йети.

Авиапосадку мы сделали в индийском Дели, где провели два дня. В городе было тогда объявлено «чрезвычайное положение». Причина – пограничный конфликт между Индией и Китаем. К северу от Гималайских гор китайские войска захватили обширный район, который индийцы считали своим. Ссора соседей дошла до того, что в Дели опасались китайских бомбардировок. Многие здания госучреждений и банков были защищены с фасадов штабелями серых мешков с песком. Вокруг центрального минарета Кутуб Минар вырыли на зеленой лужайке глубокие траншеи.

В аэропорту Сафдарджанг мое внимание привлекли три настенные оповещения по-английски. Первое – «Национальный фонд обороны», а ниже – ящик с прорезью для денежных пожертвований. Рядом на плакате был изображен мужчина с закрывающими рот ладонями и написано: «Не распространяй слухов». Третье бумажное объявление называлось «Сигнальное предупреждение об авиарейдах» и содержало инструкцию о том, где и как надо прятаться в случае сирены воздушной тревоги.

И вот, наконец, мы взлетаем мирно на устаревшем хлипком «Дугласе» с непальским экипажем. Летим курсом на непальскую столицу Катманду.

Миновав индийские равнины, двухмоторный «Дуглас» низко летит по ущелью-коридору среди поросших редким лесом суровых гор. Ущелье сменяется ущельем, гряда – грядой, и вдруг горы расступаются, открывая взору холмистую долину с россыпью белых, коричневых домиков и островерхих куполов храмов. На севере ослепительно сверкает на солнце гигантская зубчатая стена заснеженных Гималаев.

Еще в Москве профессор Поршневу рассказал мне, как он встретился с гостившим в нашей стране непальским ученым – директором Государственного музея Непала профессором Чандра Ман Маскей. Этот непалец говорил Поршневу, что видел своими глазами мумию мертвого детеныша йети, владельцем которой является один из горожан Катманду. Данная история и заманила меня в Непал.

После прилета в Катманду я на следующее утро отправился в Госмузей Непала. Там собрана богатейшая коллекция археологических находок, картин и старинного оружия. В администрации музея мне сообщили, что, к сожалению, профессор Маскей ушел по возрасту в отставку, но вот его адрес – улица Кхиула Тоул, дом 9/449.

В музее мне любезно предложили провожатого, и вскоре мы с ним углубились в лабиринт узких улочек старого Катманду.

Эти улицы – словно щели: десять шагов в ширину, а по бокам – ряды кирпичных, преимущественно трехэтажных домов с крышами, как у пагод, нависшими над спящими внизу многолюдными толпами.

Стены зданий – темные, прокопченные солнцем, муссонными ливнями и уличной пылью, поднимаемой тысячами ног. Двери домов, наличники окон и решетки многочисленных балконов сделаны из дерева и покрыты тончайшей искусной резьбой. Это деревянное кружево на фоне черно-бордовых кирпичных стен придает фасадам оттенок благородной старины и неповторимого очарования.

На перекрестках высятся небольшие индуистские храмы и буддистские ступы, возле которых молятся, спят прямо на ступенях, бреются и о чем-то спорят десятки пестро одетых людей. Здесь – своеобразная выставка национальных нарядов: тибетцы в черных куртках и палевых меховых шапках, индийцы в белых одеяниях и их жены в голубых, зеленых или розовых сари, непальцы в темных пиджаках и светлых узких брюках, буддистские монахи в желтых тогах.

И тут же, в уличной толчее непринужденно разгуливают буйволы и коровы, вертятся под ногами вечно голодные псы. А в просветах между крыш с пронзительно синего неба жаркое солнце щедро расщечивает это и без того красочное вавилонское столпотворение.

Мой визит на улицу Кхиула Тоул оказался неудачным: профессор Маскей уехал куда-то по делам. Встретивший меня его взрослый сын сказал, что отец будет дома, вероятно, через день-два, о чем он пообещал сразу же сообщить в отель, где я остановился. Итак, до свидания с профессором Маскеем в моем распоряжении оставалось около двух суток...

За это время я успел лишь ознакомиться с достопримечательностями Катманду и совершить 100-километровую авиаэкскурсию в селение Покхару, расположенное у подножья знаменитой гималайской горы Аннапурны и соседней с ней Мачапучхары. Там я выслушал рассказ местного школьного учителя-европейца о встречах знакомых ему гималайских горцев с йети («диким человеком»). Этот рассказ, в общем-то, ничего не добавил к многочисленным историям о встречах жителей Гималаев с йети, как они называют «сноумэна».

Известно, что больше всего сведений о подобных встречах было собрано в свое время среди непальской народности шерпов, живущих у подножья Эвереста, вблизи мощного гималайского хребта Махалангур Химал, чье название в переводе означает «Горы великих обезьян». В этом районе участники нескольких альпинистских и научных экспедиций неоднократно обнаруживали на снегу и фотографировали длинные цепочки следов какого-то неизвестного крупного человекообразного существа.

В деревушке Пангбоче, в буддистском монастыре хранится в качестве экспоната необычно крупная кисть руки, которая, по мнению ряда известных европейских ученых, «имеет некоторое сходство с рукой неандертальского человека».

За несколько недель до поездки в Катманду я узнал, что непальские войска – всего 13 тысяч солдат – стянуты к горной границе с Китаем. Власти Непала официально запретили «в национальных интересах» какие-либо восхождения на Гималаи, так как некоторые иностранцы, предпринявшие такие восхождения, занимались, оказывается, «недозволенными делами» в этом пограничном с Китаем северном районе страны. Приехав в Катманду, я узнал, что этими «иностранцами» были подданные Соединенных Штатов и Великобритании.

Главный редактор популярной в Катманду газеты «Коммонер» Гопал Дас Шрестха, один из ведущих и наиболее осведомленных непальских журналистов, говорил мне:

– Экспедиции из стран Запада в северные районы Непала, где, как утверждают, можно встретить йети, запрещены из чисто политических соображений. Если все же кто-либо хочет предпринять такую экспедицию, то ему необходимо получить особое на то разрешение от нашего правительства. А такое разрешение получить очень и очень не просто, ибо правительство не заинтересовано сейчас в посещении

иностранцами пограничных районов. Собственные же экспедиции Непал пока туда посылать не может из-за недостатка средств...

Действия непальских властей вполне можно было понять и счесть резонными: сравнительно небольшой Непал зажат между двумя азиатскими гигантами, враждующими из-за спора об их границе в Гималаях. Всего лишь в нескольких десятках километров от восточных рубежей Непала неоднократно в 1964 году вспыхивала перестрелка между китайскими и индийскими пограничными частями. Там, вблизи от Эвереста, сохранялась крайне напряженная обстановка, и руководители Непала, естественно, принимали все меры, чтобы не оказаться вовлеченными помимо их воли в индийско-китайскую свару. Но были влиятельные силы, которых такая позиция Непала явно не устраивала.

Осенью 1964 года непальская полиция обнаружила в окрестностях столицы, как объявил тогдашний председатель Совета министров Непала д-р Тулси Гири, «доставленное в Непал контрабандным путем большое количество оружия» – армейские винтовки, патроны и гранаты.

Накануне этой находки непальская газета «Самикша» сообщила, что неподалеку от Катманду полиция задержала группу кочевников, везших к северу большую партию контрабандного стрелкового оружия. Задержанные, как было установлено, получили оружие от «одного иностранца» и действовали по его заданию. «Самикша» информировала, что этот иностранец в 50-х годах был разоблачен как организатор неудавшегося антиправительственного заговора на Среднем Востоке, а ранее оперировал в том же духе в Гватемале.

Вслед за этим газетным сообщением сотрудник посольства Соединенных Штатов в Непале – американец Говард Е. Стоун, организатор в 1957 году неудавшегося путча в Сирии и устроитель заговора против правительства Арбенса в Гватемале, – поспешно убрался из непальской столицы. Его местные сообщники, не обладавшие «дипломатической неприкосновенностью», были арестованы.

Осенью 1960 года знаменитый альпинист Эдмунд Хиллари, первый покоритель Эвереста, снова отправился в Гималаи во главе большой экспедиции на поиски йети, о котором в то время строила бесчисленные догадки вся мировая печать. Но вместо репортажей об охоте на йети газеты стали публиковать сообщения, определенно порочащие репутацию великого альпиниста. В январе 1961 года кор-

респондент итальянской газеты «Национе» Коррадо Пицинелли телеграфировал из Катманду:

«Хиллари ищет снежного человека, но фактически шпионит за Китаем. Его научная экспедиция в составе 600 человек находится там главным образом для того, чтобы составить точные карты труднодоступного, неисследованного района и установить, верны ли слухи о запусках коммунистическим Китаем ракет, снарядов или искусственных спутников...»

7 июля 1961 года газета «Таймс оф Индия» в корреспонденции из Катманду сообщила аналогичные сведения об экспедиции Хиллари. Но, может быть, это были всего лишь газетные измышления?

Теперь мы можем проверить сообщения прессы по вышедшей в Лондоне книге Эдмунда Хиллари «Высоко в холодном разреженном воздухе», написанной им в сотрудничестве с участником его экспедиции журналистом Десмондом Дойгом, бывшим офицером британских вооруженных сил. На странице 81-й этой повести об охоте на йети в окрестностях Эвереста черным по белому сказано:

«Вместе с нами находились два эксперта по ракетам – Том Невисон из ВВС Соединенных Штатов и выпускник ракетного училища Питер Малгрю из Королевского флота в Новой Зеландии».

На странице 12-й сообщается, что в финансировании экспедиции Хиллари участвовали Военно-воздушные силы Соединенных Штатов.

Далее можно прочесть, что лейтенант Питер Малгрю занимался на китайско-непальской границе преимущественно радиоперехватом. А капитан Том Невисон, «прибывший прямо с мыса Кэйп Канаверал»¹, следил с группой помощников за появлением над пограничными районами Китая различных летательных аппаратов и определял места их «посадочных площадок».

Члены экспедиции поднялись на ряд пограничных горных вершин, не согласовав предварительно свои действия с правительством Непала, и потому Хиллари был позднее оштрафован непальскими властями на довольно крупную сумму. В Катманду были сильно обеспокоены подозрительной прогулкой к Эвересту знаменитого спортсмена, ибо несколькими неделями ранее китайское правительство объявило Эверест «великой китайской горой», и в произошедших затем столкновениях на китайско-непальской грани-

¹ Ныне мыс Кеннеди. Испытательный полигон по запуску американских ракет и спутников.

це было убито несколько непальских пограничников...¹

Ну а как же йети? Похоже, что Хиллари было совсем не до него. Ибо экспедиция сразу же двинулась к китайской границе в заснеженные горы, не пожелав задержаться в районах горных лесов, где, как утверждали сторонники версии о вероятности существования йети, обитает, возможно, это существо. Ученые полагали, что, если «снежный человек» существует, то хотя его и называют «снежным», но жить в снегах он, конечно, не может, а скорее бродит в лесистых предгорьях, питаясь растениями и мелкими животными, и только изредка, переходя из одного места в другое, оставляет следы на снежных оползнях или ледниках.

Эдмунд Хиллари об этой теории отлично знал, но, очевидно, считал щедро оплаченный заказ американских ВВС более важным делом, нежели добросовестные поиски существа, за которым он якобы отправился в Гималаи.

Однако вернуться с пустыми руками Хиллари вряд ли мог, так как тогда за ним бы наверняка утвердилась репутация разведчика, а не исследователя и спортсмена. И вот Хиллари в буддийском монастыре непальского пограничного селения Кхумджунг попросил тамошних лам передать ему на время хранящийся у них «священный» конусообразный скальп, снятый будто бы с йети лет двести назад.

С этим скальпом Хиллари, сопровождаемый невероятной шумихой в западной прессе, вылетел на Гавайские острова, а затем в Соединенные Штаты, Англию и Францию. Повсюду Хиллари раздавал интервью, демонстрировал скальп по телевидению, публиковал статьи в самых популярных иллюстрированных журналах.

В заключение скальп из Кхумджунга был подвергнут экспертизе виднейших ученых и медиков-криминалистов в Чикаго, Лондоне и Париже. Все они единодушно заявили, что представленный Хиллари скальп сделан из куска шкуры, снятой с загрызка горной козы редкой породы «Каприкорнис суматренсис тэр», обитающей в Гималаях.

В ответ Хиллари заявил, что йети не существует! И эту весть газеты тут же разнесли по всему свету. Так, «убив» йети и произведя всемирную сенсацию, Эдмунд Хиллари вновь заставил говорить о себе как о великом исследователе и первооткрывателе...

Публичные похороны гипотезы о существовании йети были такими шумными, что широкая публика не услышала двух протестующих

¹ По заключенному в 1961 году пограничному соглашению между КНР и Непалом гора Эверест была признана частью непальской территории.

голосов. А между тем два известных ученых, обследовавших волосяной покров фальшивого скальпа из Кхумджунга, открыто обвинили Эдварда Хиллари в «мошенничестве». Выдвинувший первым это обвинение американский биолог Айвен Сэндерсон пишет в своей монографии о «сноумэне», что хотя Хиллари объявил доставленный им скальп «бесценной религиозной реликвией», которую он якобы обязался вернуть ламам Кхумджунга в полной неприкосновенности, тем не менее от скальпа было отрезано 20 квадратных сантиметров для лабораторных исследований в Чикаго, а затем еще дважды отрезались такие же куски в Париже и Лондоне. Сэндерсон заявил, что скальп, хотя и хранился в монастыре, но не был «неприкосновенным» и, стало быть, не был «священным», а Хиллари это давно знал столь же хорошо, как и то, что скальп изготовлен из шкуры козы.

В подтверждение этого вывода бельгийский зоолог д-р Бернар Эвальманс сообщил целый ряд фактов в парижском журнале «Сьянс е авенир». Ученый напомнил, что точно такие же по виду «скальпы йети», как привезенный из Кхумджунга, хранятся в монастырях двух соседних гималайских селений – Пангбоче и Намче Базар. Причем многие путешественники, осматривающие скальп в Намче Базаре, без труда различали на нем грубые швы – свидетельство того, что этот предмет сшит из различных кусков и уже хотя бы поэтому не является скальпом.

Бернар Эвальманс далее пишет:

«Мой друг Питер Бирн, участник нескольких экспедиций Тома Слика в Гималаи и хороший знаток тех мест, писал мне 24 января 1961 года: «В Северном Непале общеизвестно, что скальп в Кхумджунге – подделка, изготовленная одним тибетским кожевником лет 12-15 назад». И это знали не только ламы, но и некоторые тамошние сельские жители, а также шерпы из окрестных деревень. А потому нет сомнений, что Хиллари был вполне в курсе дела задолго до того, как организовал свою экспедицию. Он давно знал абсолютно точно, что скальп фальшивый. Но разве уверены мы, что экспедиция Хиллари преследовала цель отыскать «сноумэна»? Я в этом сильно сомневаюсь и всегда сомневался. Что делали в этой экспедиции эксперты по ракетам, следившие за деятельностью китайцев по ту сторону гималайского хребта? Хиллари разоблачил перед наукой подделку, о которой знал заранее...»

Сейчас все три злополучных скальпа хранятся, как и прежде, в монастырях Намче Базаре, Кхумджунге и Пангбоче. Во время сельских праздников ламы устраивают ритуальные пляски, участники которых, облачившись в маски и шкуры, изображают гималайских оленей, медведей, козлов и йети, в чьем ампула выступает танцор со скальпом на голове.

«И было бы нелепо, — пишет по поводу этого обряда Эвальманс, — рассматривать вопрос о йети в зависимости от подлинности этих париков. Ведь изготавливают же теперь из нейлона мех, имитирующий шкуру леопарда, но этот факт вовсе не доказывает, что леопардов не существует! Напротив, это веский аргумент за то, что леопарды существуют».

Почти одновременно с моим прилетом в Катманду туда же прибыл матерый диверсант ЦРУ Такер Гаугелман. Он получил в непальском посольстве США пост «советника по военным проблемам». Гаугелман был заметной фигурой. Ранее он в Южном Вьетнаме возглавлял кровавые расправы над пленными вьетнамцами-партизанами. А в Непале преобразился в «альпиниста» и поисковика йети.

Истинная миссия высокопоставленного оперативника ЦРУ стала полутайной, как только он начал вербовать альпинистов-шерпов и носильщиков тяжелых грузов для подъема на вершины Гималаев. Туда подручные Гаугелмана должны были доставить массивный локатор и атомный генератор с целью широкомасштабной слежки за ракетными установками китайцев в Тибете и прилегающих областях. Ради этого ЦРУ заручилось поддержкой «Бюро разведки» Индии.

Первая американско-индийская экспедиция на Гималаях завершилась крахом: горная снежная лавина сбросила вниз и разрушила локатор и генератор ЦРУ. Однако вторую аппаратуру ЦРУ все же удалось закрепить на хребте Гималаев ценою отправки туда второй экспедиции.

Ради обмана несведущей публики альпинисты ЦРУ объявили, что они видели в снежных горах йети. Более того, участник экспедиции по имени Гурчаран Бханги пропозировал перед фоторепортерами со скальпом йети на голове и костяшками лапы йети в поднятой правой руке. Бханги скрыл, однако, от журналистов, что он вовсе не непалец, а индийский сикх и офицер-радист «Бюро разведки» Индии.

Короче говоря, поиски йети в Гималаях были превращены в 60-х годах в шпионский маскарад.

Загадочная мумия

В номере столичного отеля «Вид на снега», где я остановился, зазвонил телефон:

– Добрый день. С вами говорит профессор Маскей. Жду вас в гости.

И вот я сижу, скрестив ноги, на устланном шерстяными одеялами полу. Пью кофе с пирожными, похожими по виду на сливы, и рассказываю профессору Маскею о деле, которое меня к нему привело. Маскей говорит:

– Да, мумия, о которой вы спрашиваете, действительно существует. Но видел я ее давно. Это было, кажется, вскоре после войны. В те времена один из наших горожан, которого я уже не встречал лет восемь-десять, принес ко мне в музей небольшой ящик, длиной примерно в четверть метра. Владелец ящика сказал, что внутри – доставленный из Тибета мумифицированный труп необычного младенца. Он открыл ящик, и я увидел высушенное человекообразное существо с непропорционально длинными руками. На обезьяну, однако, этот уродец никак не походил. А о йети я тогда еще ничего толком не знал. Хозяин мумии запросил за нее высокую цену, и я отказался от покупки. Но сфотографировал это существо. Фотография должна быть где-то здесь, но куда я ее положил, уже не помню...

Профессор улыбается и добавляет, что ради гостя из Москвы поиски снимка начнутся немедленно. Он встает и начинает тщательно просматривать альбомы, папки с газетными вырезками и многочисленные книги его домашней библиотеки. С одной из полок он берет и показывает мне несколько номеров «Нового времени».

Проходит полчаса, час, полтора. Профессор устал. Он снова усаживается на одеяла и просит своего взрослого сына продолжить поиски. Я спрашиваю гостеприимного хозяина, считает ли он вероятным существование йети.

– Кто же еще, – отвечает Маскей, – мог оставить на снегу эти виденные многими учеными гигантские следы, так похожие на людские?..

Разговор заходит далее о живописи: на стенах кабинета профессора висит несколько картин – Гималаи в снежных шапках, величе-

ственная громада Эвереста, портрет непальской королевы – женщины редчайшей красоты, жанровые уличные сценки.

А на одной из картин – русский пейзаж: березы, чистое летнее небо, речушка в низких зеленых берегах. Маскей говорит, что в 1958 году он вместе с непальским королем Махандрой Бир Бикрам Шах Девой был в Москве, встречался с советскими учеными и увез домой вместе с теплыми воспоминаниями дорогой сердцу подарок – это полотно с березами. Слушая профессора, я начинаю понимать почему встретил такой любезный прием в его доме.

Стемнело и прошло уже четыре часа с того времени, как я переступил порог кабинета Маскея, когда его сын воскликнул:

– Отец, вот это фото!

Профессор положил фотографию передо мной:

– Смотрите, вот какая у него длинная левая рука. А правая, к сожалению, закрыта тканью. Помню, что эта мумия была засыпана сахарным песком, очевидно, для дезинфекции. Кожа у нее была очень сухая, коричневого цвета, как картон. Тело из-за примитивного способа мумификации изрядно деформировалось, но все же можно было определить, что пол этого существа – мужской. Эта фотография – единственная. Второй такой у меня нет. Я дарю ее вам в знак признательности и дружбы к тем замечательным людям, с которыми я встречался в вашей стране...

Расставаясь с профессором Маскеем, я попросил его выяснить – нельзя ли встретиться с владельцем мумии? Профессор обещал это сделать.

Через два дня истек срок моего пребывания в Непале. Я снова увиделся перед отъездом с профессором Маскеем, но услышал от него, что владелец мумии уже давно не живет по своему старому адресу и где он теперь – пока неизвестно. Профессор обещал продолжить розыски этого человека и в случае удачи сообщить в Москву, в «Новое время».

Никаких вестей из Непала от профессора Маскея больше не было. Никаких новых сведений о йети я, всего лишь турист, фактически не собрал в Непале. Получил только шпионскую информацию. И опубликовал все, что наскреб, в «Новом времени» 28 января 1966 года.

Мою корреспонденцию «Тропую снежного человека» перепечатали сокращенно некоторые советские провинциальные газеты. Три краткие выдержки из моего репортажа я видел также в чехословац-

кой газете «Млада фронта», в англоязычной газете Индии «Стейтсман» и в американской «Дейли Уоркер».

Самого же йети в Гималаях никто до сих пор не поймал.

Дикий человек и НКВД

Тем временем в Москве профессор Поршневу отыскал горожанина, по профессии врача, который лично обследовал пойманного на Кавказе «дикого человека». Поршневу дал мне произведенную им запись разговора с тем врачом и предложил снова опросить его более детально, выяснив дальнейшую судьбу плененного «дикого человека».

По сей день у меня сохранилась стенограмма записи моего разговора с бывшим военврачом 173-го отдельного мотострелкового батальона внутренних войск НКВД экс-полковником Вазгеном Саркисовичем Карапетяном. Будучи уже в отставке, москвич Карапетян рассказал мне 16 февраля 1966 года нижеследующее:

«Я был прикреплен как врач-невропатолог к батальону особых войск НКВД для защиты нашей южной горной границы от проникновения вражеских диверсантов. Поздней осенью 1941 года чекисты приказали мне сделать медицинский осмотр пойманного в горах человека. Его тело было покрыто на спине, груди, плечах и ногах щетиной темно-коричневого цвета. Шерсть напоминала медвежью. На его голове волосы были очень длинные, до плеч, закрывавшие отчасти лоб. На ощупь волосы головы оказались очень жесткими.

От меня требовалось установить: не является ли этот странный человек без одежды замаскированным диверсантом?

Его содержали чекисты в холодном сарае. Мне сказали, что он не может находиться в теплом помещении, так как в тепле сильно потеет.

Пойманный человек стоял совершенно прямо, опустив длинные руки. Рост – выше среднего, порядка 180 сантиметров. Весь очень крупный, широкоплечий, мускулистый. Пол мужской.

Взгляд у него был ничего не говорящий, тусклый, пустой. Это был чисто животный взгляд. Да и вообще он производил впечатление животного.

Мне сообщили, что он не принимает никакой пищи и питья. Ничего не говорит. При мне к его лицу были поднесены вода и хлеб, но он на это никак не реагировал.

Когда я дернул его за волосы головы, у него только участилось моргание глаз. Чекисты несколько раз толкнули его, а он без сопротивления сделал тройку шагов и остановился, издав слабые мычащие звуки.

Мне бросилось в глаза обилие вшей у него на груди, шее и особенно на лице. Целые цепочки вшей копошились у него на бровях и вокруг рта. Это были какие-то неведомые мне вши, не водящиеся на обычном человеке. Они были необычайно крупного размера.

Чекисты напрямик меня спросили: это — человек под волосатой маскировкой? Я ответил, что считаю его не замаскированным, а явно диким.

На мой встречный вопрос о дальнейшей судьбе дикого человека чекисты заявили, что считают его дезертиром, одичавшим в горах и потерявшим людской облик. Чекисты добавили, что они после консультации с высшим начальством, наверное, уmertвят преступного уклониста от мобилизации в армию.

Я до сих пор помню тот кавказский поселок, где убили, очевидно, дикого человека. Ведь любой дезертир не мог бы так быстро обрасти шерстью и потерять дар речи за четыре-пять месяцев со времени начала Отечественной войны».

Поршнев неспроста предложил мне продублировать опрос Карапетяна. После чего профессор попросил меня придумать какой-либо способ найти место захоронения убитого кавказского «дикого человека» с целью отдать его костные останки на анализ антропологам. Каким способом это сделать — Поршнев не знал.

В те годы я был в приятельских отношениях с писателем, кинематографистом, журналистом Борисом Ильичем Войтеховым. Он был старше меня более чем на двадцать лет. Войтехов внешне выделялся его сшитыми по-западному элегантными костюмами. Он с молодости был вхож в среду столичной элиты. Одно время он был женат на звезде экрана Людмиле Целиковской, участвовал в попойках и танцульках у младшего сына Сталина разгульного Василия, дружил с карьерным выдвиженцем комсомола Владимиром Семичастным, назначенным в 1961 году главой КГБ.

В середине 60-х годов Семичастный поспособствовал Войтехову стать главным редактором нового многоцветного журнала «Радио и телевидение» (РТ). И Войтехов уже в ипостаси главреда попросил меня написать для его издания что-нибудь, как он выразился, «чрезвычайно экстравагантное».

На это я изложил Войтехову кавказскую историю Карапетяна и сочинил такой план: Поршневу и я настроим председателю КГБ Семичастнову наше совместное конфиденциальное письмо, перескажем в нем рассказ Карапетяна о поимке «дикого человека», попросим допросить бывших чекистов НКВД о месте закладки ими убитого человекообразного существа, извлечем его кости для антропологов, а сами никогда и никому не проболтаемся о том, кто умертвил волосяного получеловека.

Войтехову понравилась моя выдумка. И вскоре он получил для дружеской передачи Семичастнову пятистраничное письмо от Поршнева и меня. Мы, в частности, написали:

«Уважаемый Владимир Ефимович! Если бы удалось обнаружить костные останки обследованного Карапетяном существа, то опытный антрополог смог бы определить – человек это был или неандерталовид. Последнее имело бы огромную научную ценность».

Концовка письма была весьма политесной:

«Уважаемый Владимир Ефимович, в случае Вашего распоряжения о расследовании приведенных нами сведений, мы со своей стороны обязуемся использовать сообщенные нам данные только в том объеме и в той форме, которые Вы сочтете приемлемыми. Мы обязуемся также не оглашать полученные сведения до тех пор, пока не будет дано соответствующее разрешение.

Лауреат Государственной премии СССР,
доктор исторических наук, профессор
Б.Ф. Поршневу

Член редакционной коллегии журнала
«Новое время»
И.И. Андронов».

Минула пара недель, и мне позвонил домой по телефону мужчина, назвавшийся полковником КГБ Быковым:

– Мы получили задание Председателя по вашей просьбе. Как только выяснится что-то существенное, я позвоню вам опять. До свидания.

Через месяца три полковник Быков повторно позвонил мне и сказал, чтобы завтра утром я с Поршневым явился в подъезд № 3 центральной резиденции КГБ на площади Дзержинского, нынешней Лубянки.

Так мы и поступили. За уличными дверями подъезда был проверочный пункт с двумя офицерами. Один из них взял наши паспорта и сверил фамилии со своим страничным списком. Затем офицер предложил нам пройти на второй этаж в комнату под названным им номером.

Мы прошли по лестнице и длинному узкому коридору, устланному бесшумной красной ковровой дорожкой. В указанной нам комнате открыли дверь и очутились в просторном помещении, где сидел за письменным столом чекист с погонами капитана.

В той комнате не было другой мебели кроме стола со стулом и прислоненного к стене громоздкого славянского шкафа. Передняя стенка шкафа была украшена затейливой деревянной резьбой, а шкафные дверцы имели поверху стеклянные вставки.

Увидев этот шкаф, я сразу невольно вспомнил советский фильм «Подвиг разведчика», в котором актер-красавец Кадочников в роли нашего нелегала приходит на явочную квартиру, звонит в дверной звонок, а когда дверь приоткрывает квартирант, то Кадочников произносит конспиративный пароль:

– У вас продается славянский шкаф?

– Да. Продается, – звучит ответный пароль. – Продается славянский шкаф с тумбочкой.

Однако внушительная копия славянского шкафа КГБ имела вовсе не парольное предназначение. К шкафу подошел чекист-капитан, распахнул шкафные дверцы и обратился к Поршневу и ко мне:

– Пожалуйста, входите. Наш генерал уже ждет вас.

Поршневу как-то механически и, по-моему, бездумно вошел в славянский шкаф, а я слегка растерялся.

Тогда капитан мягко взял меня за локоть и приободрил:

– Не смущайтесь, входите.

В задней стенке шкафа оказался широкий проем человеческого роста, и через него мы вступили в генеральский кабинет. Сам же генерал был в штатском костюме с галстуком и поднялся нам навстречу из-за большого стола.

Генерал назвал свои имя и отчество, которых я не запомнил, ибо они были, как думаю, вымышленными. Хозяин кабинета попросил нас присесть на два стула у его стола и выложил на стол перед Поршневым несколько фотоснимков с лежащими мертвыми животными. Генерал пояснил Поршневу:

– Эти фото погибших существ при нарушении ими наших южных горных границ. Можете опознать среди них так называемого снежного человека?

Поршневу ткнул пальцем в каждый снимок и недовольно проворчал:

– Вот это убитый горный козел. А это гималайский медведь. А тут мертвая обезьяна лемур. Никакого снежного человека на ваших фото нет.

Генерал молча сгреб снимки и убрал их в выдвижной ящик стола. Чекист понял, что перед ним сидит настоящий ученый, осведомленный хорошо о животном мире на наших высокогорных границах. И генерал решился выложить нам хотя бы полуправду. Он медленно проговорил:

– Мне нечем, увы, вас порадовать. Мы опросили бывших офицеров НКВД, которые заказали доктору Каралетяну медосмотр пойманного в 1941 году некоего дикого существа. Эти офицеры-чекисты вышли в отставку и малоразговорчивы об их прошлых делах. Некоторых из них ранее уже допрашивали по обвинениям в нарушении ими социалистической законности в отношении их сограждан. И они не хотят новых неприятностей. Они заявили, что не помнят, где закопали казненного одичавшего дезертира. Вот и все, что я могу вам сообщить. Извините.

На сем мы расстались с генералом КГБ и ушли из его кабинета через сквозной шкаф. Он привычно сохранился, видимо, с тех минувших времен, когда в соседней комнате допрашивали очередного арестанта, и начальник следователя мог зайти в славянский шкаф с тыла и понаблюдать за допросом через шкафные стеклянные оконца.

Покинув главную обитель КГБ, мы с Поршневым задержались на тротуаре улицы Кузнецкий мост, дабы перевести дух и обменяться мнениями о нашей неудаче.

Поршневу было сильно огорчен. Я высказал ему свою догадку: подчиненные Семичастного самовольно сочли, что неподвластный им университетский профессор и его бесконтрольный напарник –

журналига могут рано или поздно разболтать то, как чекисты уколо-шили уникального предка человечества. И тогда КГБ будет постыд-ным посмешищем во всем мире.

Профессор Поршнеv согласился с моей гипотезой. Распрощал-ся со мной и побрел, сутулясь уныло, вниз по горбтому Кузнецкому мосту.

Вскоре Борис Федорович скончался. С его уходом угасло и мое хобби – снежный человек.

Тоже вскоре Владимира Семичастного уволили с поста предсе-дателя КГБ и перевели на униzительно ничтожную госдолжность. Он умер в полном кремлевском забвении от инсульта на 77-м году жизни.

А я вот пока живу и по-прежнему полагаю, что было бы перспек-тивно послать в джунгли Индокитая тщательно оснащенную экспеди-цию для поисков лаосского подобия снежного человека – дикаря тхак тхе.